ВОЙНА И МИРЪ

ВАСИЛИЙ МЕРКУШОВ

КОМАНДИР СЧАСТЛИВОГО «ОКУНЯ»



РУССКИЙ ПОДПЛАВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Война и мир (Алгоритм)

Василий Меркушов

Командир счастливого «Окуня». Русский подплав Первой мировой

«Алисторус»
2024

УДК 355.01
ББК 68.012

Меркушов В. А.

Командир счастливого «Окуня». Русский подплав Первой мировой / В. А. Меркушов — «Алисторус», 2024 — (Война и мир (Алгоритм))

ISBN 978-5-00222-339-8

Василий Александрович Меркушов - один из первых офицеров-подводников России, начавший службу еще в 1905 году Это было время, когда все в русском подплаве происходило впервые, когда закладывались традиции и формировался новый тип офицеров для этого нового, революционного для начала XX века оружия. Первую мировую войну В. А. Меркушов встретил в качестве командира подводной лодки «Окунь». В своих дневниках он описывает кампании 1914 и 1915 года на Балтике, за которые он был удостоен ордена Святого Георгия IV степени и Георгиевского оружия, показывает беспримерное мужество русских моряков-подводников, их бесстрашие и верность воинскому долгу. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 355.01
ББК 68.012

ISBN 978-5-00222-339-8

© Меркушов В. А., 2024
© Алисторус, 2024

Содержание

1914 год. Война 6
Июль. Финляндские шхеры. РейдВекшер (между Поркаллаудом и Лапвиком) 6
12/25 июля 1914 года 6
13/26 июля 10
14/27 июля 10
15/28 июля 12
16/29 июля 12
17/30 июля 12
18/31 июля 13
19 июля/1 августа 15
20 июля/2 августа 15
21 июля/3 августа 17
22 июля/4 августа 17
23 июля/5 августа 17
24 июля/6 августа 18
25 июля/7 августа 20
27 июля/9 августа 20
28 июля/10 августа 21
29 июля/11 августа 21
30 июля/12 августа 24
31 июля/13 августа 24
Август. Рейд Векшер и Ревель 25
1/14 августа 25
2/15 августа 25
3/16 августа 25
4/17 августа 26
5/18 августа 26
6/19 августа 27
7/20 августа 28
8/21 августа 28
9/22 августа 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Василий А. Меркушов
Командир счастливого «Окуня».
Русский подплав Первой мировой

© ООО «Издательство Родина», 2024

1914 год. Война

Июль. Финляндские шхеры. РейдВекшер (между Поркаллаудом и Лапвиком)

12/25 июля 1914 года

Бригада подводных лодок Балтийского моря в составе 1-го дивизиона: «Акула», «Минога», «Макрель», «Окунь» (тип Бубнова); 2-го дивизиона: «Аллигатор», «Дракон», «Кайман», «Крокодил» (тип Лэк); транспортов-баз «Хабаровск» и «Европа», старого миноносца «Перископ» (служившего катером для ловли мин при учебной стрельбе) стояла в Балтийском Порту[1], готовясь в час ночи выйти на двухдневные маневры с надводным флотом.

Оба наших миноносца отсутствовали: «Послушный» стоял в Гельсингфорсе в доке, а «Молодецкий» ушел в Кронштадт за различными материалами для бригады.

Сегодня в семь часов утра начальник бригады контр-адмирал П. П. Левицкий и начальник 1-го дивизиона капитан 2 ранга С. Н. Власьев[2] ушли на «Перископе» в Ревель на заседание для ознакомления с программой предстоящих маневров.

Днем на подводных лодках происходили обычные работы, а вечером у нас должны были собраться кое-кто из офицеров. Около девяти часов вечера, когда многие из гостей уже прибыли, прибежал матрос с докладом, что меня срочно просят на «Хабаровск», так как произошли какие-то перемены относительно предстоящих маневров.

Простившись с гостями, которые тоже, впрочем, заторопились на свои суда, отправился на транспорт и от вахтенного начальника подводной лодки «Акула» мичмана Терлецкого[3]

---

[1] Балтийский Порт – название города Палдиски до 1917 г.

[2] Власьев Сергей Николаевич (1880–1955). Окончил Морской корпус (1900), курс в Морской учебно-стрелковой команде (1902) и Минный офицерский класс (1903).В 1903–1904 гг. служил старшим минным офицером на минном транспорте «Енисей». При его гибели 29 января 1904 г. был тяжело ранен (поставив на подступах к порту Дальний минное заграждение, «Енисей» был снесен на него течением и, взорвавшись, пошел ко дну; погибли командир, три офицера и 92 человека команды).Участвовал в обороне Порт-Артура на эскадренных броненосцах «Цесаревич» и «Победа», на последнем участвовал в бою с японским флотом в Желтом море 28 июля 1904 г. Осенью 1904 г. был направлен на сухопутный фронт. В сентябре 1904 г. вместе с Л. Н. Гобято участвовал в создании нового вида огнестрельного оружия – миномета.Офицер подводного плавания по первому списку (1907). Командовал подводными лодками «Макрель» (1906–1907), «Пескарь» (1907), «Акула» (1907–1915). В 1915 г. назначен командиром заградителя «Нарова», в августе того же года переведен в транспортную флотилию Черноморского флота. По списку 1916 г. числится в 1-м Балтийском флотском экипаже. К 25 октября 1917 г. состоит в чине капитана 2 ранга (за отличие по службе 6.12.1912).Во время Гражданской войны находился на Юге России в Добровольческой армии и Вооруженных Силах Юга России. В феврале 1919 г. был назначен начальником 2-го отряда судов для действия на реках. В августе 1919 г. в Севастополе участвовал в работе комиссии по приемке от союзников кораблей Черноморского флота. В приказах на июль 1920 г. именуется капитаном 1 ранга.В ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма в Константинополь, где состоял членом Союза (русских) морских офицеров.В ноябре 1922 г. возглавил переход в Марсель отряда русских буксиров, реквизированных Францией. С 1923 г. обосновался в Париже, состоял членом тамошней кают-компании и военно-морского исторического кружка. После окончания Второй мировой войны в Париже получил советский паспорт. Скончался 3 сентября 1955 г. и похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.В своей повести «Без страха и сомнения» о походе отряда русских буксиров в Марсель В. А. Меркушов, говоря о начальнике отряда С. Н. Власьеве, называет его «старым сослуживцем, с которым прожили душа в душу в течение долгих семнадцати лет». С. Н. Власьев написал некролог В. А. Меркушова, помещенный в парижской газете «Русские новости» 30 декабря 1949 г.

[3] Терлецкий Константин Филиппович (1887–1966). В 1906 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, откуда в 1908 г. перешел в младший специальный класс Морского корпуса. Окончил Морской корпус (1911) и офицерский класс Учебного отряда подводного плавания (1913). Помощник командира подводной лодки «Акула» (1913–1915). С марта 1915 г. исполнял должность старшего офицера подводной лодки «Барс».Лейтенант (1 января 1915). С 6 апреля 1916 г. – командир подводной лодки «Окунь», которую 9 апреля того же года принял у В. А. Меркушова. С 23 января 1917 г. состоял старшим производителем работ отдела подводного плавания Главного управления кораблестроения. С марта того же

узнал, что в восемь часов он был вызван начальником дивизиона к телефону и получил приказание передать командирам, чтобы лодки, насколько возможно, пополнили судовые запасы и приготовились к походу в финляндские шхеры на неопределенное время.

На вопрос, что случилось, капитан 2 ранга Власьев сообщил, что Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, требования которого совершенно неприемлемы. Сербия просит нашего заступничества, потому вместо обсуждения деталей маневров собравшимся на совещание на крейсере «Рюрик» приходится обсуждать мероприятия для подготовки к войне, так как командующий флотом Балтийского моря адмирал Эссен не разделяет мнения Петербурга о возможности мирного разрешения конфликта.

Таким образом, убийство 15/28 июня 1914 года в Сараеве наследника престола может привести нас к войне с Австро-Венгрией и, вероятно, Германией как ее союзницей.

Получив такие сведения, поехал на «Окунь», снялся с якоря и, подойдя к борту «Хабаровска», пополнил с него запас пресной воды и принял кое-какую мелочь, после чего съехал на берег проститься с женой.

Вернувшись на транспорт, нашел начальника дивизиона, сообщившего, что вчера, 11/24 июля, австро-венгерский посол вручил министру иностранных дел Сазонову копию ультиматума, накануне предъявленного Сербии. Ультиматум требовал прекращения великосербской пропаганды, принятия под контролем Австро-Венгрии мер для раскрытия заговора, приведшего к убийству Франца-Фердинанда и его жены, и наказания участвовавших в заговоре сербских подданных.

На ответ дается сорок восемь часов – до шести часов вечера 12/25 июля, то есть сегодня.

Вчера же от Александра Сербского пришла телеграмма на имя государя с мольбой принять участие в судьбах Сербии. Послу в Вене было приказано предложить посредничество России и просить австрийское правительство продлить срок ультиматума, чтобы до его истечения успеть что-либо сделать для улаживания возникших осложнений. Кроме того, Россия просила все другие державы поддержать ее просьбу. Англия и Франция охотно откликнулись, ответ Австрии пока неизвестен.

Во всяком случае, на мирный исход надеяться трудно, потому приказано: минным заградителям перейти в Поркаллауд и быть в готовности к постановке минного заграждения поперек Финского залива; бригаде подводных лодок отправиться на рейд Векшер, остальному флоту собраться в Гельсингфорсе. Ожидая нападения германского флота еще до официального объявления войны, адмирал Эссен приказал перевести весь русский флот в труднодоступные финляндские шхеры, где он мог спокойно мобилизоваться, чтобы встретить врага во всеоружии.

Влияние войны ясно почувствовалось всеми, но не вызвало на бригаде каких-либо признаков паники или малодушия. Между тем, бригада состояла из устаревших, с изношенными механизмами, медленно погружавшихся (3–5 минут) подводных лодок проектов 1903–1906 годов, то есть насчитывавших от восьми до десяти лет службы, что для быстрого прогресса техники было слишком много.

Ни в одном из флотов мира такие подводные лодки не состояли в списках не только боевых, но даже учебных судов; только в России из-за семилетнего перерыва в подводном судо-

---

гола, оставаясь на указанной должности, был наблюдающим за постройкой подводных лодок на Балтийском судостроительном заводе.Службу в Балтийском флоте не прерывал, оставаясь после октября 1917 г. на прежней должности. В декабре 1918 г. назначен начальником отдела подводного плавания, во время Гражданской войны руководил ремонтом подводных лодок, участвовал в переводе подводных лодок красного Флота Балтийского моря на Каспий. Вся последующая работа прошла на судостроительных заводах. В 1927 г. в Ленинграде участвовал в строительстве первой советской подводной лодки «Декабрист», в Николаеве был строителем подводных лодок типа «М», на Дальнем Востоке – лодок типа «Л» и «Щ». В 1936–1939 гг. работал на судостроительном заводе в Комсомольске-на-Амуре.В годы Великой Отечественной войны находился в Ленинграде, руководил достройкой и ремонтом подводных лодок Балтийского флота. В 1945–1966 гг. работал на Адмиралтейском заводе заместителем главного инженера по судостроению, руководил постройкой ледоколов и крупнотоннажных танкеров. Дважды лауреат Государственной премии, кавалер двух орденов Ленина, Отечественной войны 1-й ст. и Красной звезды. Умер в Ленинграде 3 февраля 1966 г. и похоронен на Серафимовском кладбище.

строении (1906–1912 годы) бригада ветеранов числилась в составе боевых судов Балтийского флота, ибо других подводных лодок не существовало.

Лучшая наша лодка «Акула» (проекта 1906 года, вступила в строй в 1911 году), 360 тонн водоизмещением, со скоростью на поверхности 12,5 узла системы Бубнова, постройки Балтийского завода находилась в полной исправности. Ее командиром был капитан 2 ранга Власьев, он же – начальник 1-го дивизиона подводных лодок.

«Минога» (проект 1906 года, вступила в строй в 1909 году), 117/144 тонны (тип Бубнова, Балтийского завода), незадолго перед этим получила серьезное повреждение в машине и вместо 12 узлов могла давать лишь 9,5-10 узлов на поверхности. Ее командиром был лейтенант Ильинский[4].

«Макрель» (проект 1903 года, вступила в строй в 1909 году), 140/177 тонн (тип Бубнова, Балтийского завода), ходила с лопнувшим фундаментом дизель-мотора и имела один из рамовых подшипников крепленым на железных планках. Ход оставался прежний – 8 узлов. Командир – лейтенант Карабурджи[5].

«Окунь» (проект 1903 года, вступил в строй в 1909 году), 140/177 тонн (тип Бубнова, Балтийского завода), имел трещину в одном из поршней (тронков) четвертого цилиндра дизель-мотора: лодка уже месяц ходила с ней, так как заказанные зимой 1913/14 года запасные поршни (тронки) все еще не были доставлены заводом Нобеля из Петербурга. Ход – 8 узлов, командир – лейтенант Меркушов.

Из лодок 2-го дивизиона (проект 1904 года, вступили в строй в 1911 году), 410/432 тонны (тип Лэк, сборка завода Крейтон в Петербурге), «Крокодил» находился в плачевном состоянии, так как из четырех бензиномоторов только два на одном борту были в порядке. Лодка делала переходы, работая бензиномоторами исправного борта и электромоторами на неисправном; ход около 6–6,5 узла.

Произошло это потому, что в зиму 1913/14 года предполагалась замена бензиномоторов заказанными в Германии дизелями, которые рассчитывали получить в январе 1914 года, из-за чего ремонт старых двигателей совершенно не производился. В январе же дизель-моторы не пришли, немцы всячески тянули их доставку, и, прождав напрасно всю зиму, в мае пришлось все же кое-как, на скорую руку, чинить старые бензиномоторы, а потом всю кампанию мучиться с ними. Командиром «Крокодила» был лейтенант Подгорный.

Остальные лодки того же типа Лэк: «Аллигатор» (капитан 2 ранга Вальронд[6]), «Дракон» (старший лейтенант Гудим[7]), «Кайман» (старший лейтенант В. Дудкин[8]) были в полном порядке и могли давать до 8 узлов.

---

[4] Ильинский Николай Николаевич (1884–1917). Окончил Морской корпус (1905), Штурманский (1908) и Минный (1910) офицерские классы, офицер подводного плавания (1912). Флаг-офицер при начальнике 1-го дивизиона миноносцев Владивостокского отряда (1909), командир подводных лодок «Минога» (сентябрь 1913 – февраль 1915), «Дракон» (февраль-ноябрь 1915), «Барс» (ноябрь 1915 – май 1917). Старший лейтенант (за отличие по службе 6.12.1915).В мае 1917 г. подводная лодка «Барс» не вернулась из своего 15-го боевого похода; найденная шведским минным тральщиком в феврале 1993 г. на глубине 127 м в точке с координатами: 58 град. 21,033 мин. сев. шир., 19 град. 51,902 мин. вост. долг, русская подводная лодка времен Первой мировой войны была опознана как «Барс» (см. В. В. Лобыцын. Подводная лодка «Барс» на дне Балтийского моря// Подводный флот, № 1, СПБ., 1998).

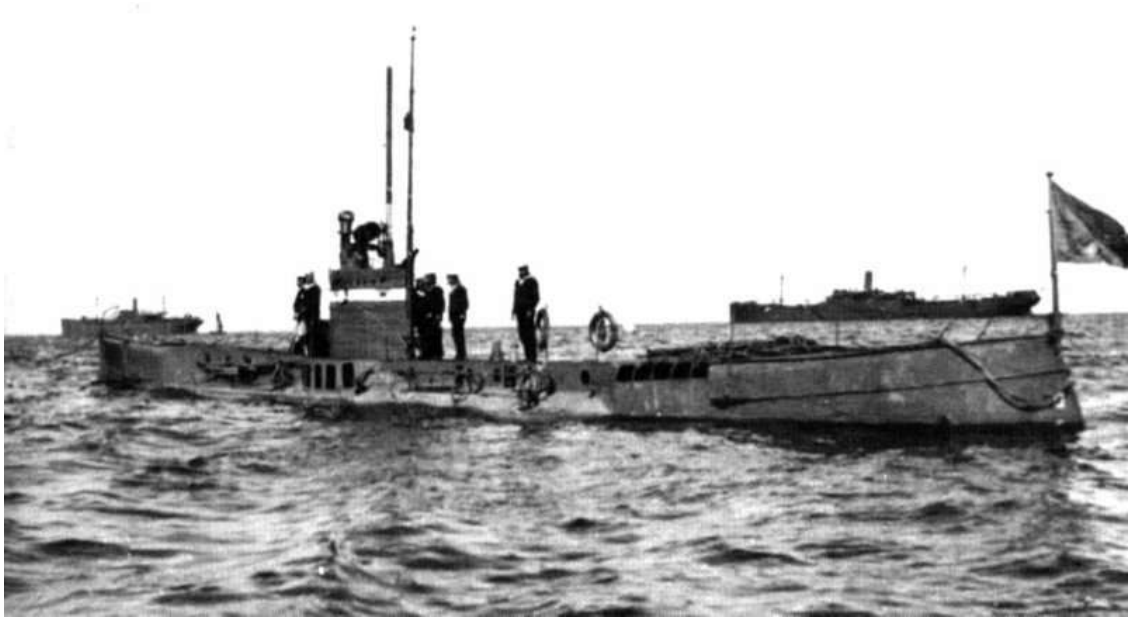
[5] Карабурджи Дмитрий Ставрович (1881–1957). Родился в Таганроге, где окончил мореходные классы. Прапорщик по морской части (1904). Производитель работ партии траления Владивостокского порта (1905–1907). Окончил офицерский класс Учебного отряда подводного плавания (1910) и Минный офицерский класс (1913). Переведен во флот лейтенантом (1913). Старший помощник командира подводной лодки «Крокодил» (1911), минный офицер 1-го дивизиона Бригады подводных лодок Балтийского моря (1912–1913); командовал подводными лодками «Макрель» (1914–1916), АГ-15 (1916–1917), «Форель» (январь-апрель 1917), «Кугуар» (апрель 1917 – май 1918). Старший лейтенант за отличие (27.07.1917).Во время Гражданской войны находился в Северо-Западной армии, воевал на бронепоездах. В эмиграции жил вначале в Таллине, затем в Рио-де-Жанейро, где в 1950-е гг. состоял председателем кают-компании русских морских офицеров в Бразилии.

[6] Вальронд Ростислав Константинович (1878–1919?). Окончил Морской корпус (1898) и Минный офицерский класс (1904), офицер подводного плавания (1910). Командир подводных лодок «Сом» (1910), «Пескарь» (1911–1912), «Аллигатор» (1912–1915). Капитан 2 ранга (6.12.1912). С октября 1915 г. начальник 4-го дивизиона подводных лодок Балтийского

Эти четыре американских «больших деревянных сундука», как мы их называли, имели над прочным корпусом деревянную надстройку (в виде футляра), дававшую шестнадцать тонн плавучести, без которых лодки не могли бы плавать.

При погружении в эту надстройку помпами накачивалось пятьдесят тонн воды, что в свежую погоду представляло серьезную опасность, особенно при всплытии; когда первым делом освобождались от нижнего, внутреннего балласта, лодка теряла остойчивость и, если становилась поперек волны, могла быть опрокинута ее ударом.

Деревянная надстройка на солнце высыхала, коробилась и при надводном плавании начинала пропускать воду; то же случалось, если после многократных погружений доски разбухали и выпирали одна другую. И то, и другое причиняло массу хлопот личному составу, так как лодка получала переливающийся груз на самый верх, что в свежую погоду при недостаточной бдительности могло привести к опрокидыванию вверх килем.



«Окунь»

моря. Георгиевское оружие (17.08.1915).В апреле 1918 г. остался в Ревеле, не приняв участия в переходе кораблей Балтийского флота в Кронштадт («Ледовый поход»). В декабре того же года числился в т. н. Русской самообороне. По неподтвержденным данным, умер в феврале 1919 г. в Ревеле.

[7] Гудим Николай Александрович (1882–1915). Окончил Морской корпус (1902) и Учебный воздухоплавательный парк (1903) с назначением помощником заведующего парком в Севастополе. Летом 1904 г. был откомандирован во Владивосток на такую же должность. В 1906 г. вахтенным офицером крейсера «Россия» вернулся на Балтику. Окончил офицерский класс Учебного отряда подводного плавания (1907). Командовал подводными лодками «Скат» (1907–1910), «Окунь» (1911–1912), «Дракон» (1912–1915). Капитан 2 ранга (за отличие по службе 6.12.1914). 20 февраля 1915 г. вступил в командование подводной лодкой «Акула», вместе с которой пропал без вести в ноябре 1915 г. во время боевого похода в район Либавы.Изобрел устройство для работы дизеля под водой, образец которого был установлен на «Акуле».

[8] Дудкин Василий Федотович (1881–1925). Окончил Морской корпус (1903), участник обороны Порт-Артура на эскадренном броненосце «Победа». Офицер подводного плавания (1907). Командир подводных лодок «Дельфин» (1907–1910), «Кайман» (1910–1913), старший офицер эскадренного миноносца «Пограничник» (1913–1914). Капитан 2 ранга (за отличие в делах против неприятеля 24.12.1914), командир подводной лодки «Барс» (с января 1915). С 4 мая 1915 г. начальник 1-го дивизиона Бригады подводных лодок Балтийского моря, 5 октября 1917 г. назначен начальником дивизии подводных лодок. В мае 1918 г. уволен с флота.Службу в Красном флоте начал в апреле 1920 г. помощником морского начальника на Азовском море. В том же году состоял для связи с флотом в штабах Кавказского фронта и 13-й армии. В декабре 1920 г. назначен на службу в оперативное управление штаба Морских сил Республики. В декабре 1921 г. состоял помощником начальника Учебного отряда Балтийского флота по технической части. Последние годы работал в редакции журнала «Красный флот», издававшегося в Кронштадте. 13 февраля 1924 г. уволен по болезни «в бессрочный отпуск». Скончался 15 мая 1925 г.

13/26 июля

В 3 ч. 30 м. утра бригада подводных лодок с вспомогательными судами снялась с якоря в Балтийском Порту и пошла в финляндские шхеры.

На высоте маяка Пакерорт мы были приятно удивлены, увидев идущую из Ревеля бригаду крейсеров: «Громобой», «Баян», «Паллада» и «Адмирал Макаров», высланную для охраны входа в Финский залив.

Пропустив их, пошли дальше и в 8 ч. 50 м. утра пришли на рейд Векшер (между Поркаллаудом и Лапвиком), где и стали на якорь.

Подготовлявшаяся во время перехода на обоих транспортах – «Хабаровск» и «Европа» – проверка мин теперь пошла полным ходом, и подача их на лодки продолжалась весь день; в три часа ночи 14/27 июля последняя мина была заложена в аппарат.

Одновременно с подачей мин пополнялись запасы топлива, смазочного масла и т. п. Работа кипела, и вечером команда работала с тем же неослабевавшим увлечением, что и днем.

Наконец, тихая теплая июльская ночь спустилась над недвижным рейдом; при ее неверном освещении окружающие острова выросли, сдвинулись и тесно обступили стоявшие суда.

Шум голосов, треск моторов и плеск весел на шлюпках да грохот работающих лебедок одни нарушали тишину, далеко разносясь по сонной воде.

Между судами шныряли моторные и гребные шлюпки; паровые катера с баркасами на буксире медленно передвигались от транспортов к подводным лодкам и обратно, доставляя готовые боевые мины и снимая с них учебные.

Здесь, на этом неизвестном дотоле рейде, бригада лихорадочно готовилась к бою, чтобы утром встретить врага во всеоружии…

Команды лодок, уже закончившие все работы, усталые и довольные, крепко спали в своих койках, не обращая внимания на шум голосов и грохот лебедок.

С каждым часом становилось все тише и тише, меньше оживления на рейде – работа закончилась…

Наступила полночь.

На «Окунь», стоявший у борта «Хабаровска», подавали последние мины. Сгустившаяся тьма заволокла море и небо, не стало видно ни судов, ни окружающих островов, и только неумолчная вода тихо плескалась у борта, напевая свою неизменную песню…

Загрохотала лебедка, спуская на лодку последнюю мину, и все стихло.

На палубе блеснул слабый свет ручного электрического фонарика, выхватив из тьмы небольшую группу работавших у минного аппарата людей. Конечно, разговор вертелся вокруг неожиданно свалившейся на голову войны, и минно-машинный старшина вдруг тихо протянул: «Кажись, орденишки заработаем…» – на что все остальные в тон ему так же тихо ответили: «Вероятно…»

А ночь по-прежнему была такой же тихой; все замерло, ни малейшего шума, ни малейшего шороха не доносилось с покрытых лесом островов. Все говорило о мире и тишине и както не верилось, что, быть может, завтра загрохочут пушки и смерть начнет собирать обильную жатву…

14/27 июля

Подводные лодки заряжали батареи электрических аккумуляторов, и команде дали отдых, свезя ее на один из островов, где люди купались и стирали белье.

Транспорт «Хабаровск» с утра ушел в Ревель за вторым комплектом боевых мин, машинным маслом, топливом и прочим.

Около восьми часов вечера на эскадренном миноносце «Пограничник» пришел командующий флотом адмирал фон Эссен, поблагодарил за быстрое приведение подводных лодок в боевую готовность и сказал, что везде, где он только ни был, находил части флота вполне готовыми к бою.



Н.О. фон Эссен

От сопровождающих адмирала лиц узнали, что 13 июля все решительно корабли ушли на северный берег Финского залива, где под защитой лабиринта островов приготовились к

бою вне опасности внезапного нападения. Заградители с прикрывающим их 4-м дивизионом миноносцев стоят в Поркаллауде. Бригада крейсеров несет охрану входа в Финский залив на линии Оденсхольм-банка Аякс и ночует в Ганге. Главные силы стоят в Гельсингфорсе.

Они же рассказали, что 12 июля наш посол в Белграде телеграфировал, что Сербия просит защиты России, так как ни одно сербское правительство не может согласиться с требованиями Австрии. Вечером 13 июля в Петербурге был получен ответ премьер-министра Пашича, соглашавшегося на выполнение многих пунктов австрийского ультиматума. Несмотря на это, ответ Сербии был признан неудовлетворительным, и австрийский посланник покинул Белград.

На наше предложение посредничества Австрия ответила отказом. Пользуясь тем, что телеграфная линия проходит по их территории, австрийцы задержали эти телеграммы на целые сутки…

Пока мы обсуждали все это, на рейд вошла канонерская лодка «Храбрый», присланная для охраны стоянки бригады и прикрытия подводных лодок при возвращении с моря в шхеры.

Переговорив с начальником бригады, адмирал Эссен вернулся на миноносец, который сейчас же снялся с якоря и, провожаемый криками «ура», направился к выходу. С «Пограничника» отвечали тем же, адмирал, стоя на мостике, махал фуражкой.

15/28 июля

«Хабаровск» вернулся, и лодки 1-го дивизиона по очереди подходили к его борту для пополнения запасов по всем частям судового хозяйства. Кроме того, каждая получила по одному якорю от старой мины заграждения, чтобы, не расходуя ни топлива, ни электрической энергии, лодки точно занимали свои места по диспозиции и не были связаны с довольно продолжительной процедурой съемки с якоря, а, просто бросив минреп с буйком за борт, могли бы идти в атаку на противника.

Транспорт привез массу газет, ибо каждый совал деньги, чтобы купить две, три газеты, и эта обязанность возлагалась на все суда, уходившие в Гельсингфорс или Ревель.

13 июля в Австрии состоялась частичная мобилизация, а вчера в 12 часов дня она объявила Сербии войну. Государь ответил королевичу Александру, что Россия ни в коем случае не останется равнодушной к участи Сербии… Значит, будем воевать…

Транспорт 2-го дивизиона «Европа» ушел в Ревель за боевыми минами, топливом и прочими расходными материалами для своих подводных лодок.

16/29 июля

Минный склад транспорта «Хабаровск» весь день перевооружал новыми минами (образца 1910 года) подводную лодку «Акула», снимая с нее ранее погруженные (образца 1908 года).

Для усиления охраны места стоянки бригады и обеспечения подводным лодкам безопасного возвращения в шхеры из Гельсингфорса прибыла канонерская лодка «Хивинец», офицеры которой сообщили, что начавшаяся 8 июля и все расширяющаяся забастовка рабочих петербургских фабрик, охватившая, в конце концов, 140 тысяч человек, сопровождавшаяся столкновениями с полицией, войсками и устройством баррикад, прекратилась сама собой с момента объявления Австрией войны Сербии.

17/30 июля

Подводные лодки «Макрель», «Окунь» и «Минога» тоже меняли мины на более быстроходные (образца 1908 года). Погрузка и приготовление этих мин сильно задерживались из-

за небрежности завода, выпускавшего мины, так как боевые зарядные отделения не лезли на свои мины и приходилось счищать часть свинца, напаянного на донышко резервуара сжатого воздуха, на что уходило много времени.

В два часа тридцать минут ночи принята условная радиотелеграмма о начале мобилизации. С этого момента Балтийский флот лишался самостоятельности, будучи подчинен командующему VI армией (Петербург), который по сему важному случаю именовался Главнокомандующим VI армией и Балтийским флотом[9].

Делать по ней было нечего, так как в ожидании нападения германского флота до официального объявления войны не только наша бригада, но и весь Балтийский флот уже три дня – 14, 15 и 16 июля – стоял в полной боевой готовности, имея наблюдение за входом в Финский залив.

На всякий случай все же оделся и вышел в кают-компанию, где вскоре собрались все офицеры 1-го дивизиона подводных лодок.

Мобилизация объявлена официально… Ну, что же! У нас все давно готово! Началась мобилизация – значит, будет война. Дыма без огня не бывает! Пора идти спать, утро вечера мудренее…

Офицеры разошлись по каютам. Команду так и не будили…

18/31 июля

Около 4 ч. 25 м. утра «Хабаровск» принял радио «Молния», что означало – ставить минное заграждение Поркаллауд-Нарген. В 5 ч. 40 м. новое радио: «Огонь», то есть «Морским силам и портам приступить к оперативным действиям по подготовке театра». Тогда же получили радио от командующего флотом: выходить на позицию, готовиться к бою, ставить главное заграждение.

Немедленно все пришло в движение… Команды спешно перевозились с транспортов-баз на подводные лодки, стоявшие на якорях поблизости от своих маток, тащили провизию и всякую мелочь…

Теплые солнечные лучи заливали море и землю. С островов несся целительный, бодрящий запах соснового леса и каких-то трав.

Рейд, как зеркало, вставленное в зеленую оправу островов, не дрогнет, не шелохнется, отражая на поверхности спокойно стоящие суда.

Но вот на флагманском корабле «Европа» взвился сигнал «Приготовиться к бою! Идти на позицию!». Движение на рейде усилилось. Паровые катера, моторные и гребные шлюпки направились к подводным лодкам, перевозя оставшихся еще на транспортах матросов и офицеров. Задымили пущенные на зарядку моторы, приводились в боевую готовность мины и проверялись минные аппараты.

Начальник бригады контр-адмирал Левицкий на катере начал объезд судов, поздравляя офицеров и команду с началом военных действий и желая всем боевых успехов.

«Ура! Ура! Ура!» волнами перекатывалось по рейду…

По мере готовности подводные лодки снимались с якоря и, разворачиваясь к выходу, направлялись в открытое море.

---

[9] Главнокомандующим VI армией, в оперативном подчинении которому находился Балтийский флот, был генерал от артиллерии К. П. Фан-дер-Флит. В статье «Уроки недавнего прошлого» («Часовой», № 219, 1938, с. 11) В. А. Меркушов по этому поводу пишет:«Подчинение Балтийского флота Главнокомандующему VI армией, (Петроград) было одной из роковых ошибок, чтобы не сказать больше – несуразностей верховного командования, за которые нам пришлось заплатить крушением Российской Империи…История всех войн, и в особенности несчастной русско-японской 1904–1905 гг., подтверждает старую истину, что флотом нельзя управлять с берега».

На «Хабаровске» музыка заиграла гимн. На остававшихся судах команда с криками «ура» бросилась по вантам; с проходивших подводных лодок неслось ответное «ура».

В общем шуме сливались приветственные крики, звуки народного гимна, ответное «ура» и стук работавших дизельмоторов, создавая неподдающееся описанию настроение, которое вместе с предчувствием пока еще не испытанных опасностей не только взвинчивало нервы, но у некоторых из моей команды, а на других лодках даже у офицеров, превращалось в какой-то столбняк, полнейшую растерянность и беспомощность.

Многие из моей команды долго стояли с фуражками в руках, изредка автоматически помахивая ими в воздухе, не имея сил оторвать глаз от покидаемых судов, как бы прощаясь с ними, и только после нескольких энергических окриков с мостика пришли в себя. Но вот все понемногу наладилось; лишние люки задраены, мачты срублены (то есть откинуты на палубу и прикреплены к ней), лодки окончательно приготовились к бою и, пройдя ряд живописных островов, вышли в открытое море…

Колеблемая слабым ветерком водная равнина Финского залива покрылась легкой рябью, и солнце, отражаясь в ней, рассыпало алмазные искры, ослепляя ими глаза…

Пользуясь своим преимуществом в скорости оба миноносца: «Послушный» и «Молодецкий», обогнав подводные лодки, пошли на разведку; «Хабаровск» под флагом начальника бригады повел ее на позицию поперек Финского залива, в две линии и в шахматном порядке.

Подводные лодки шли в двух кильватерных колоннах и по сигналу с «Хабаровска» ворочали вправо или влево на восемь румбов (девяносто градусов) и, придя на место, становились на якорь от старой мины заграждения.

Этот торжественный выход на позицию больше напоминал траурное шествие, так как всем пришлось равняться по самому тихоходному «Крокодилу»; линия растягивалась, причем то та, то другая лодка на требование прибавить ход отвечала: «Имею повреждение в машине, скоро исправлю». Наконец, худо ли, хорошо ли, но все стали по своим местам и осмотрелись.

Далеко на востоке (то есть в глубине Финского залива) виднелся дым вышедших на работу минных заградителей, ставивших мины между островами Нарген и Макилотто; ближе маячили кончики мачт, а иногда труб охранявших их линейных кораблей, крейсировавших на меридиане маяка Пакерорт.

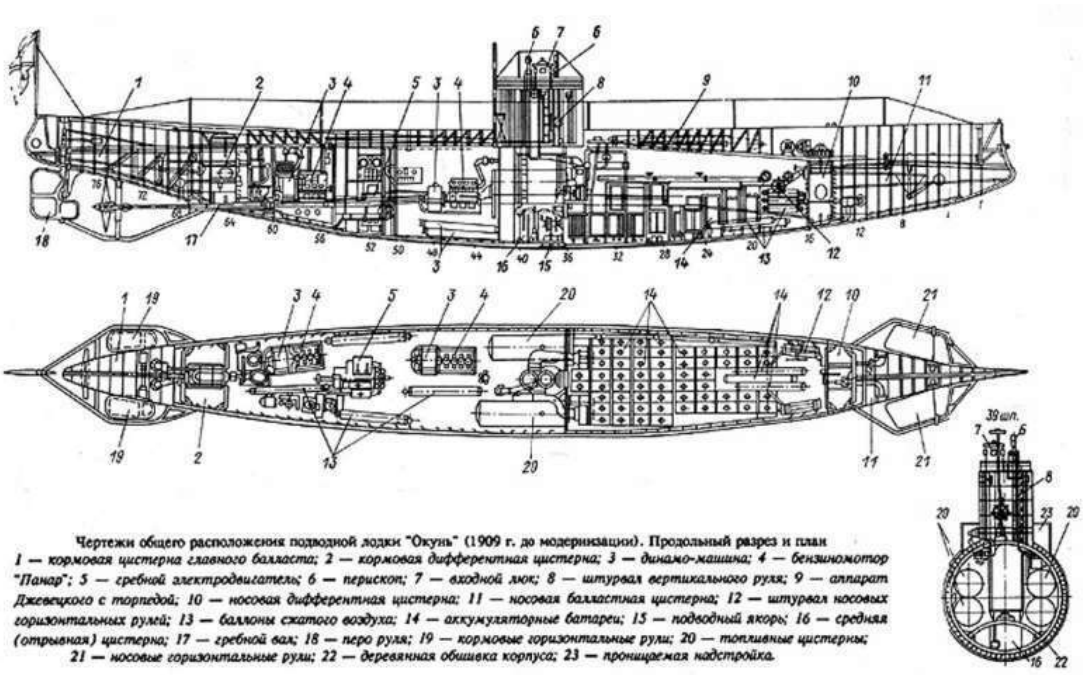
Кроме того, каждая подводная лодка в расстоянии шести миль вправо и шести миль влево от себя видела по одной лодке своей второй линии, а в шести милях спереди или сзади – две второй линии. Впереди держались оба миноносца, неся разведочную службу.

Канонерские лодки «Храбрый» и «Хивинец» вышли на опушку шхер, где и стали на якорь для защиты входного фарватера.

В 19 ч. 15 м. вечера бригада снята с позиции. Вернувшись на «Хабаровск», узнал, что около 13 ч. начальник бригады крейсеров, находившихся в дозоре, запрашивал: «Кто противник?» Командующий флотом ответил, что точных сведений у него нет, потому при встрече со шведами поступать с ними, как с немцами. Вот такая история! Собираемся воевать и не знаем, с кем именно! Впрочем, вполне возможно, что германофильская Швеция ввяжется в войну в надежде отобрать Финляндию…

В 20 ч. командующий предупредил по радио, что ночью в Финском заливе возможно появление неприятельских миноносцев.

Вернулись на рейд Богшер и нашли здесь транспорт «Европа», привезший из Ревеля различные запасы для 2-го дивизиона.



Чертежи общего расположения подводной лодки "Окунь" (1909 г. до модернизации). Продольный разрез и план
1 — кормовая цистерна главного балласта; 2 — кормовая дифферентная цистерна; 3 — динамо-машина; 4 — бензиномотор "Панар"; 5 — гребной электродвигатель; 6 — перископ; 7 — входной люк; 8 — штурвал вертикального руля; 9 — аппарат Джевецкого с торпедой; 10 — носовая дифферентная цистерна; 11 — носовая балластная цистерна; 12 — штурвал носовых горизонтальных рулей; 13 — баллоны сжатого воздуха; 14 — аккумуляторные батареи; 15 — подводный якорь; 16 — средняя (отрывная) цистерна; 17 — гребной вал; 18 — перо руля; 19 — кормовые горизонтальные рули; 20 — топливные цистерны; 21 — носовые горизонтальные рули; 22 — деревянная обшивка корпуса; 23 — проницаемая надстройка.

19 июля/1 августа

День прошел спокойно. 2-й дивизион принимал топливо с транспорта «Европа», вернувшегося вчера из Ревеля.

Оказывается, 17 июля состоялось объявление мобилизации в Киевском, Одесском, Московском, Казанском военных округах, Балтийском и Черноморском флотах, а также государь запретил продажу водки на все время мобилизации…

В 8 ч. 30 м. вечера было принято радио, что Германия объявила нам войну. Сейчас же поехал на «Окунь» и объявил об этом команде. Новость не произвела на матросов никакого впечатления, офицеры же дивизиона удивлялись, как могло случиться, что не Россия, а ей объявили войну. Большое недоумение вызывало то, что Россия воюет с Германией, а не с Австрией, которая как будто занята одной Сербией.

Никогда не думал, что объявление войны пройдет так спокойно, не вызвав ни в ком никакого волнения или чего-нибудь в этом роде. Офицеры продолжали спокойно играть в домино, и только все жалели, что нет газет…

К этому времени окончательно определился состав бригады подводных лодок, а именно она состояла из следующих судов: восьми подводных лодок, двух миноносцев, двух транспортов-баз, двух канонерских лодок – «Храбрый» и «Хивинец», ледокола «Аванс» (для снабжения кораблей пресной водой), катера «Перископ» (для посылок за провизией) и моторных катеров «Охранный», «Встреча» и «Темерник» (для ночной охраны рейда).

20 июля/2 августа

В 2 ч. 40 м. ночи по радио командующего флотом бригада вышла в Финский залив на старую позицию поперек Финского залива.

Несмотря на темноту, подводные лодки полным ходом, перегоняя друг друга, выходили извилистыми фарватерами в открытое море. Отличное знание местности спасало от аварий даже подводные лодки 2-го дивизиона с их 16-футовой осадкой, так как освещение створных знаков еще отсутствовало.

Мне пришлось особенно туго, ибо перед самой войной у меня началось воспаление слизистой оболочки обоих глаз (конъюнктивит), пришлось впускать в них проторгол и надеть темные очки.

Ночью очки нужны не были, но зато пришлось напрягать глаза, чтобы не выкатить на какой-нибудь камень, не протаранить какую-либо из лодок или же самому не попасть под таранный удар. Списаться же на берег для лечения и оставить лодку в такое время я, конечно, не мог.

На этот раз перед нами бродили какие-то коммерческие пароходы, которых лениво отгоняли миноносцы, позволяя проходить через линию подводных судов бригады.

В 9 ч. 25 м. утра пришлось погрузиться, так как какой-то пароход шел прямо на «Окуня». То же самое сделали «Дракон», стоявший южнее меня, и «Акула», находившаяся сзади.

Командиры лодок удивлялись, как это пароходы умудрялись проскакивать через цепь дозорных крейсеров у Дагерорта и почему они не останавливали их и не посылали в Балтийский Порт.

Лично для меня все разъяснилось только в 17 ч., когда подошедший миноносец «Молодецкий» сообщил, что впереди крейсеров нет. В ожидании противника весь Балтийский флот был сосредоточен у острова Нарген для защиты центрального минного заграждения Нарген-Поркаллауд.

Получилась глупейшая вещь: подводные лодки, ничего об этом не зная, оказались выдвинутыми в первую линию и только случайно их не перетопили, так как при виде дымков лодки не погружались, оставаясь в полном надводном положении, хотя любой из дымков мог принадлежать неприятельскому кораблю. (На погружение нужно было от трех до пяти минут в зависимости от типа подводной лодки.)

Между тем, адмирал Эссен ожидает от нас серьезной помощи, надеется, что мы сумеем ослабить неприятеля до подхода его к центральному минному заграждению и если не потопить или повредить кого-либо, то все же повлиять на психику нападающего…

Вернувшись на рейд Векшер, получил приказ командующего флотом от 19 июля 1914 года за № 2 об объявлении государем войны.

«Офицеры и команда!

С этого дня каждый из нас должен забыть все свои личные дела и сосредоточить все свои помыслы и волю на одной цели – защитить Родину от посягательства врагов и вступить в бой с ними без колебаний, думая только о нанесении врагу самых тяжелых ударов, какие только для нас возможны.

Война решается боем.

Пусть каждый из вас напряжет все свои силы, духовные и телесные, приложит все свои знания, опыт и уменье в день боя, чтобы наши снаряды и мины внесли бы гибель и разрушение в неприятельские боевые строи и корабли.

Неприятель имеет большую силу и опыт; наши ошибки, наши слабые стороны он немедленно использует; надо стремиться, чтобы их было меньше.

Флот не может уйти с назначенного мной места боя – другого нет в наших водах, и мы должны отстоять его, чего бы это ни стоило.

Помните, что единственная помощь, которая должна оказываться друг другу в бою, заключается в усилении атаки противника, напряжении с целью нанести ему сильнейшие удары, используя для этого все свои силы и боевые средства.

Да исполнит каждый из нас величайший долг перед Родиной – жизнью своей защитить ее неприкосновенность и да последует примеру тех, которые двести лет назад с Великим Императором своими подвигами и кровью положили в этих водах начало нашему флоту.

Адмирал фон Эссен».

21 июля/3 августа

Утром приняли радио, что вчера в 8 ч. вечера два германских крейсера обстреляли Порт Императора Александра III и вокзал в Либаве[10]. В порту разбита телефонная сеть, и два снаряда попали в госпиталь. Убитых и раненых нет.

Либавский флотский полуэкипаж и командир порта выехали накануне утром; в канале и аванпорте затоплены старые суда (в том числе подводная лодка «Сиг»), баржи и шаланды.

Вечером проходил миноносец «Внимательный», командир которого рассказывал, что саперы взорвали в Ганге подъемный кран, а у входа в гавань затопили пароход с углем.

Сделано это совершенно зря, надобности в этом никакой не было; к счастью, заградить вход в гавань саперы не сумели, и мы продолжали пользоваться гаванью, как будто пароходы и не были затоплены.

22 июля/4 августа

Утром богослужение по случаю тезоименитства государыни императрицы Марии Федоровны. После молебна начальник дивизиона поздравлял команду, кричали «ура», – все, как в обыкновенный царский день.

В 16 ч. получили радио всему флоту: «Поднять пары!» В 17 ч. 30 м. – отменительный.

Вечером вернулась из Гельсингфорса канонерская лодка «Хивинец» и привезла газеты с манифестом об объявлении войны.

Собранной на шканцах «Хабаровска» команде начальник дивизиона прочел манифест. «Ныне предстоит уже не заступиться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные… Да укрепится еще теснее единение Царя с его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага…» Кричали «ура», музыка играла гимн. Команда отнеслась к манифесту с большим воодушевлением, и ее «ура» было громче обыкновенного…

Вернувшись в кают-компанию, погрузился в чтение газет и экстренных бюллетеней, которыми завален весь стол. С интересом прочел о манифестациях в столице и других городах. Война как будто становится популярной, как будто понимают, в чем дело, – не так, как было в японскую войну…

С сегодняшнего дня со спуском флага на всех судах начали закрывать иллюминаторы боевыми крышками, чтобы со стороны не было видно огней, – до этого без огней стояли только одни подводные лодки.

23 июля/5 августа

Около полудня радио сообщило об объявлении Англией войны Германии…

Лодки никуда не выходили… Спали… Компания офицеров чуть не целый день играла в домино.

Вернувшийся из Гельсингфорса катер привез газеты. Известие об объявлении войны Германии было принято с большим удовлетворением. От слова до слова были прочтены речи, говорившиеся в парламенте. Внимание слушателей все время было напряженное.

[10] Это были крейсера «Аугсбург» и «Магдебург».

Сообща решили, что, во всяком случае в ближайшие дни, германцы в Финский залив не придут, и кроме разведчиков вряд ли кого увидим, так как все внимание немцев, очевидно, будет направлено на английский флот.

По случаю столь радостного события компания игроков опять села играть в домино, назвав эту партию английской; перед этой партией были: мобилизационная, послеобеденная, паровая (по случаю подъема паров) и т. п.

С радости пили шампанское.

24 июля/6 августа

Матросы, посылаемые на острова для освещения ацетиленовыми фонарями створов на случай ночного выхода подводных лодок на позицию, вернувшись сегодня утром, доложили, что в 2 ч. 15 м. ночи они видели три шедших в кильватере цеппелина и при них один аэроплан. Вся эта флотилия, покружившись над рейдом Векшер, в 2 ч. 40 м. улетела обратно.

Из опросов всех бывших в это время на вахте выяснилось, что из стоявших на рейде пятнадцати судов никто ничего не видел и не слышал работы моторов воздушных кораблей. Таким образом, мы вступили в полосу, когда команде каждый вечер мерещились цеппелины и аэропланы.

Только спустятся сумерки, как начинается крик: «Дирижабь!», «Ероплан!» И сразу весь муравейник приходил в движение, все выскакивали на верхнюю палубу: «Где? Где? А вон, пониже тучи!» Напрягалось зрение, протирались глаза, все имеемые бинокли и трубы наводились на небо… Нет, ничего не видно!.. После всенародного посрамления матросы успокаивались, и скоро такие крики совершенно прекратились.

Ввиду объявления Англией войны Германии начальник бригады разрешил подводным лодкам произвести мелкий ремонт механизмов, не нарушая боевой готовности, чем я и воспользовался для замены лопнувшего поршня дизельмотора.

Вечером пришел из Ревеля миноносец «Искусный», доставивший часть офицеров и команды расформированного Учебного отряда подводного плавания, присланных для укомплектования бригады, так как на некоторых лодках некомплект в офицерском составе доходил до 25 %, а на «Макрели» и «Окуне» были только одни командиры.

Вопрос с командой не стоял так остро, ибо боевые составы имелись полностью, и была небольшая нехватка только в запасных.

По словам прибывших, Порт Императора Александра III было решено не взрывать и не жечь. В мастерских все станки были попросту разобраны и с них сняты важнейшие части (хотя, так как станки германского происхождения, их очень легко снова пустить в ход, прислав недостающее из Германии). Здания же остались в полной сохранности, ибо предполагалось, что оставление Либавы является временным.

Вообще, война свалилась на Учебный отряд (так же как и на других) совершенно неожиданно. До 14 июля, как обычно, шло обучение гг. офицеров-слушателей и многочисленного состава учеников-матросов различных специальностей.

13 июля, как и во всякий воскресный день, команда ходила в собор на богослужение, а после обеда была уволена на берег до девяти часов вечера.

На следующее утро, когда стала известна политическая обстановка, подводные лодки отряда: «Пескарь», «Стерлядь», «Белуга» начали готовиться к походу, а состав отряда приступил к погрузке различного имущества на транспорт «Анадырь».

15 июля разъехались прикомандированные чины военного ведомства, а 16-го в 19 ч. 45 м. все три подводные лодки Учебного отряда (тип Голланд 105 тонн водоизмещением, постройки 1905–1906 годов) на буксире транспорта «Анадырь» в сопровождении миноносца «Подвижный» вышли в Ревель, следуя кругом Дагерорта.

Состояние лодок было следующим.

«Белуга» – в полной исправности. «Стерлядь» имела лопнувшие поршни дизель-мотора и не могла пускать его в ход. «Пескарь» 1 июля наскочил, идя в надводном положении, на стальной швартов, заведенный с транспорта «Лахта» на бочку, причем сломал перископ, его крепления и повредил крышку боевой рубки.

Только перед самым походом успели пригнать на место новую крышку люка, отверстие же для перископа закрыли специальной заглушкой. Лодка ушла без перископа, который предполагалось установить в Ревеле.

17 июля с полночи стало свежеть; в четыре часа утра на подводных лодках пришлось задраить крышки рубок и перенести управление внутрь. На «Пескаре» с восьми часов утра временами работала главная помпа, выкачивая попадавшую сверху воду.

18 июля с утра начало стихать; в час дня можно было открыть крышку боевой рубки и перенести управление на верхнюю палубу.

В 5 ч. дня у подводной лодки «Пескарь», шедшей концевой, лопнул буксир; за тяжестью его не смогли выбрать на лодку и сбросили в море. Лодка пошла под дизель-мотором в кильватере «Анадырю», но через сорок пять минут из-за нагревания подшипников пришлось застопорить мотор. К счастью, уже настолько стихло, что «Пескарь», подойдя под электромотором к транспорту, мог принять новый буксир.

В двенадцать часов ночи 18 июля Учебный отряд подводного плавания благополучно прибыл в Ревель. Следующие дни были посвящены устройству на новом месте и разгрузке транспорта «Анадырь». 20 июля на «Стерляди» приступили к разборке дизель-мотора для замены лопнувших поршней. Отсюда офицеры-слушатели и часть преподавателей были отправлены: одни – к нам в бригаду, другие – на подводные лодки Черного моря или же суда действующего флота; то же сделано с учениками-матросами.

В тот же день 20 июля «Белуга» впервые вышла на дежурство по охране Суропского пролива. С тех пор исправные подводные лодки Учебного отряда по очереди несли дежурство в проливе на случай попытки противника прорваться на Ревельский рейд.

23 июля «Пескарь» погрузил на лодку новый перископ и начал его установку, которую предполагают закончить 4 августа.

В Ревеле творится что-то невообразимое. Со всех окрестностей съехалась и продолжает прибывать масса народа, в особенности офицерские семьи. Гостиницы переполнены, на вокзале не протолкаться, так как кто может старается уехать в Петербург, а оттуда дальше в глубь России.

На улицах невероятное оживление, все куда-то бегут, едут, торопятся. В банках и сберегательных кассах давка, это отъезжающие берут свои вклады или переводят их в другое место.

Хотя ни для кого не секрет, что укрепления вокруг города и на приморском фронте еще далеко не готовы, панического настроения нет, но более осторожные люди предпочитают уехать подальше от моря.

Сего числа явился минный офицер, штабс-капитан по адмиралтейству Игнатов[11], старый знакомый и сослуживец по Владивостоку, назначенный на должность вахтенного начальника. Теперь нас на «Окуне» будет двое, а то при предыдущих выходах на позицию мне давали в помощь ревизора 1-го дивизиона, никогда не бывшего офицером подводного плавания и ничего не понимавшего в этом деле.

Днем на линии остров Оденсхольм-банка Аякс держится завеса крейсеров, сменяемая на ночь цепью миноносцев…

---

[11] Игнатов Николай Андреевич (1879-?), прапорщик по адмиралтейству (1904), командовал подводной лодкой «Дельфин» (с апреля по ноябрь 1913), состоял помощником командира подводной лодки «Окунь» (с июля 1914). Капитан по адмиралтейству (за отличие по службе 6.12.1916).

Из привезенных газет выяснилось, что Германия всячески старалась добиться нейтралитета Англии. Немцы почему-то считали, что на этот раз она не воспользуется удобным случаем, чтобы чужими руками уничтожить очередного соперника на море. Странно было бы думать, что Англия не ввяжется в войну, не воспользуется первым удобным случаем сокрушить морское могущество Германии.

Вся прежняя политика островного государства указывает, что оно зорко следит за развитием морской силы всех народов, и лишь только где-либо возникает флот, угрожающий его господству, как в той или другой коалиции, никогда не одна, под тем или иным предлогом Англия обрушивается на очередного соперника с целью раздавить его раньше, чем он сравняется с ней по силе на море.

Великобритания обеими руками ухватилась за удобный случай нарушения нейтралитета Бельгии, но если бы не это, то нашлись бы другие поводы ввязаться в драку и с чужой помощью уничтожить могущество Германской империи.

Верные своей политике натравливания, англичане нарочно оттягивали время своего выступления, дабы Германия и Австрия ввязались, наконец, в войну с Россией и Францией, отлично понимая, что если бы Великобритания сейчас же объявила о своей солидарности с нами, то центральные державы вряд ли решились на боевое столкновение с тремя сильнейшими великими государствами.

25 июля/7 августа

В 7 ч. утра ремонт дизель-мотора окончен, налили в него свежего масла и пустили на пробу. Через два часа остановили – нагревания нигде не было.

В 11 ч. 30 м. утра собрали команду во фронт и читали Высочайшую телеграмму из Петергофа на имя командующего флотом.

«Передайте мой привет Балтийскому флоту.

Ценю высокий дух флагманов, командиров, офицеров и команд. Вполне убежден, что под вашим умелым руководством каждый исполнит свой долг беззаветно во славу России».

Кричали «ура», музыка играла гимн…

Вообще, пока только и делаем, что кричим «ура» по разным поводам.

Приняли радио, что вчера в 18 ч. Австрия объявила нам войну. Телеграмма не произвела никакого впечатления. Что?.. Австрия объявила нам войну? Ну и черт с ней! – говорили все, продолжая заниматься своими делами…

Крейсера «Олег» и «Богатырь» с миноносцами ушли в дальнюю разведку.

В 21 ч. начальник Службы связи повторил по радио телеграмму петербургского телеграфного агентства, что в Северном море к востоку от Оркнейских островов завязался бой и что судовладельцы предупреждены правительством, что британская эскадра сражается с германским флотом.

Сообщение это подняло всех на ноги. Пошли дебаты «за» и «против». После толков пришли к заключению, что вряд ли немцы в первые дни войны могли ввязаться в драку со всем английским флотом, потому едва ли телеграмма подтвердится.

27 июля/9 августа

После богослужения по случаю дня победы нашего флота при Гангуте начальник дивизиона сказал небольшую речь (в настоящем году предполагалось празднование 200-летия первой победы русского флота над шведами, но война помешала этому). На этот раз кричали «ура» безо всякого воодушевления, так как всем надоело, но ничего не поделаешь, церемониал должен быть выполнен, и команда это отлично понимала.

От начальника воздушной станции Кильконд получено радио: «В 11 ч. произвел разведку на 30 миль. В море никого нет»…

Приняли радиотелеграфный приказ командующего флотом: всем судам вести переговоры меньшей мощностью и внимательно следить за иностранными телеграммами.

28 июля/10 августа

Балтийский флот под флагом адмирала Эссена вышел в море. В 4 ч. утра тральщики, 4-й дивизион миноносцев и крейсера снялись с якоря; главные силы снялись в 8 ч. утра и пошли за ними на вест.

У острова Оденсхольм флот выстроился в походный порядок, миноносцы окружили главные силы для прикрытия от атак неприятельских подводных лодок, а 2-й дивизион завел тралы.

На походе на судах производились различные тревоги и учения, а с 16 ч. 30 м. до 19 ч. было боевое маневрирование.

В 17-м часу 1-я минная дивизия была отпущена на ночь в бухту Тагалахт, а 7-й дивизион миноносцев – в Лапвик.

Подводные лодки остались на рейде Векшер. На транспорте «Европа» по случаю судового праздника был устроен парадный обед, на котором играла наша музыка. До 4 ч. дня время прошло незаметно.

29 июля/11 августа

В 4 ч. утра бригада вышла на старую позицию поперек Финского залива…

Посылка лодок состоялась по инициативе нашего начальника бригады, опасавшегося, что за возвращающейся эскадрой, быть может, идет неприятель. За это нашему адмиралу сильно попало от командующего флотом.

В результате к подводным лодкам, стоявшим на позиции в полном надводном положении, все время подходили разные миноносцы, командиры которых кричали: «Ради Бога, не погружайтесь, так как около полудня наша эскадра пойдет на ост! Командующий флотом приказал предупредить все подводные лодки, чтобы вы чего-нибудь не перепутали!» Иначе говоря, как командующий флотом, так и остальные офицеры считали, что лодки под водой настолько слепы, что, даже глядя в перископ, не смогут отличить своих кораблей от неприятельских.

Предупреждение лодок о проходе своей эскадры было правильно, так как позволяло подводным лодкам при виде густого дыма оставаться на поверхности, а корабли, обнаружив их в надводном положении, не могли смешать с неприятельскими, но все командиры миноносцев упирали именно на какую-то слепоту подводных лодок.

Вообще, как у высшего начальства, так и среди рядового офицерства нашего флота понятия о подводных лодках, их устройстве, условиях плавания, возможных для них заданиях были очень и очень сбивчивы, гранича с полным отрицанием всякого боевого значения.

Около 11 ч. 15 м. утра через позицию бригады прошла вся эскадра в составе линейных кораблей «Цесаревич», «Слава», «Император Павел I», крейсеров «Рюрик», «Громобой», «Адмирал Макаров», «Баян», «Паллада», «Россия», «Богатырь», «Олег», эскадренного миноносца «Новик» и прочих миноносцев.

Бригада начала сниматься с якоря и пошла в шхеры. При съемке обнаружилось, что носовой горизонтальный руль «Окуня» сильно поврежден волнами и для его исправления нужно войти в док.

На миноносце, ушедшем в Гельсингфорс за провизией, был отправлен флагманский корабельный инженер бригады с тем, чтобы, если док окажется свободным, сейчас же приступить к набору клеток[12] для подъема подводной лодки.

Мы, конечно, не знали, зачем весь Балтийский флот выходил в открытое море и что из этого могло произойти. Позже выяснилась следующая картина.

С объявлением Германией войны России Швеция заняла весьма двусмысленную позицию, потому, благодаря всем известному германофильству шведов, считалось очень вероятным, что Швеция перейдет на сторону центральных держав и выступит против России.

Предположение это переросло в уверенность, когда 17 июля адмирал Эссен получил телеграмму начальника Морского генерального штаба о том, что между Германией и Швецией заключено соглашение, потому Швецию надлежит считать нашим вероятным противником.

Шведский флот, построенный специально для действий в шхерах, представлял серьезную угрозу побережью Финляндии. Неопределенная позиция Швеции очень тревожила командующего Балтийским флотом, на плечах которого лежала ответственность за безопасность правого фланга русской армии и столицы. В ночь на 21 июля в штабе флота были получены агентурные сведения о частичной мобилизации шведской армии, объявлении мобилизации на острове Готланд, где уже стояли пять шведских броненосцев, шестнадцать миноносцев и три подводные лодки, а также о германской эскадре, которую видели в 50 километрах от стокгольмского побережья.

Днем 21 июля Либава и Виндава донесли о появлении германской эскадры из девятнадцати судов, вскоре скрывшихся за горизонтом. Наши судовые радиостанции все время слышали усиленную работу германских радиостанций.

Атмосфера все более и более накалялась.

23 июля пришло сообщение, что вчера, 22 июля, объявлена мобилизация всего шведского флота, а это не могло быть принято иначе, как явная угроза России.

Положение командующего Балтийским флотом становилось совершенно нетерпимым, так как за отсутствием разведчиков проверить донесения агентов было нечем. (Из-за перерыва в судостроении мы вышли на войну с одними устарелыми судами, среди которых не было ни одного настоящего разведчика, ибо старые крейсера, обладая слишком малым ходом, для дальней разведки совершенно не годились.)

Пришлось ограничиться наблюдением за входом в Финский залив, где днем держались дозорные крейсера, на ночь сменяемые миноносцами.

23 июля адмирал созвал совещание, на котором, считая, что Швеция наверное выступит против России, было решено предупредить ее намерение, разбив шведский флот до его соединения с германским флотом. По окончании совещания адмирал послал своего флаг-офицера в Петербург с письмом на имя Главнокомандующего.

24 июля за отсутствием Главнокомандующего письмо принял начальник его штаба. Флаг-офицер получил устный ответ, что в случае неблагоприятного оборота командующему флотом будет дана условная телеграмма, о которой он просит в письме, – «Гроза», разрешающая атаковать шведский флот.

26 июля около 19 ч. 30 м. у восточной стороны острова Нарген собрались «Рюрик» под флагом командующего флотом, бригада линейных кораблей, 1-я и 2-я бригады крейсеров и 13 миноносцев.

---

[12] Клетки – конструкция из дубовых брусьев, воздвигаемая на стапель-палубе дока перед вводом судна. Общая форма поверхности клеток в точности соответствует обводам судна, которое садится на клетки по мере откачки воды до полного осушения дока.

В 21 ч. на «Рюрике» состоялось собрание флагманов и капитанов, где обсуждался вопрос о походе и внезапном нападении на шведский флот в случае получения телеграммы «Гроза», а также о бое в открытом море с германским флотом, могущим подоспеть на помощь шведам.

Адмирал Эссен намеревался, подойдя к шведскому флоту, обратиться к его командующему с ультимативным письмом, в котором предлагал увести весь шведский флот в Карлскруну и не выходить оттуда во все время продолжения войны между Россией и Германией.

Поход Балтийского флота намечался на 27 июля в 10 ч. утра, однако, ввиду выяснившейся необходимости для крейсеров пополнить запасы угля, операцию пришлось отложить еще на один день.

Тем временем пришло сообщение, что весь мобилизованный шведский флот сосредоточился у острова Готланд. Казалось, что колебания Швеции кончились и она окончательно переходит в стан врагов.

Вследствие этого, не дожидаясь никаких приказаний из Петербурга, 28 июля в 4 ч. утра тральщики, 4-й дивизион миноносцев и крейсера снялись с якоря; главные силы снялись в 8 ч. утра и пошли за ними на вест.

29 июля около 5 ч. утра принят конец радиограммы из Петербурга, из которого было видно, что верховное командование признает операцию неуместной. В 10 ч. 30 м. принята повторная радиотелеграмма из Петербурга: «На № 87р почтовый сообщаю нижеследующую резолюцию: Верховный Главнокомандующий [13] не допускает активных действий при настоящей политической обстановке. Главная задача Балтийского флота прикрыть столицу, что теперь, главным образом, достигается его положением в Финском заливе. Когда можно будет, Верховный Главнокомандующий даст указание, куда идти. Проект письма признан актом вызывающим и незаслуженным оскорблением шведов, лояльно относящихся теперь к России. № 032. Альтфатер[14]».

Таким образом, отношение Швеции к России определилось в благоприятную нам сторону. Решительность адмирала Эссена заставила наше правительство поспешить с выяснением создавшейся на Балтийском море обстановки. Политический горизонт очистился. Одним врагом для старого и слабого русского Балтийского флота стало меньше.

---

[13] Верховным главнокомандующим с 20 июля/2 августа 1914 г. по 23 августа/5 сентября 1915 г. был Великий князь Николай Николаевич.

[14] Альтфатер Василий Михайлович (1883–1919). Окончил Морской корпус (1902), Штурманский офицерский класс (1908) и Николаевскую морскую академию (гидрографический отдел, 1908). Флагманский штурман 1-й минной дивизии Балтийского моря (1909–1910), исполняющий должность флагманского штурмана штаба командующего морскими силами Балтийского флота (1910–1912), штаб-офицер высшего оклада Морского генерального штаба (с 6.12.1912). С началом войны состоял начальником военно-морского управления штаба Главнокомандующего 6-й армией, с 1915 г. – начальником военно-морского управления штаба Северного фронта; в 1916 г. был назначен начальником оперативного отдела по Балтийскому театру военных действий Морского штаба Верховного главнокомандующего. Контр-адмирал (10.10.1917).С февраля 1918 г. на службе в Красном флоте: помощник начальника Морского генерального штаба, член коллегии Народного комиссариата по морским делам, член Реввоенсовета Республики, командующий Морскими силами Республики. В день назначения командующим, 15 октября 1918 г., им был получен мандат за подписью председателя Совнаркома В. И. Ульянова (Ленина): «Ввиду крайне важных и ответственных задач, поставленных товарищу Альтфатеру, всем властям и организациям РСФСР предлагается оказывать ему незамедлительно всякое содействие по выполнению возложенного на него поручения под страхом ответственности перед Революционным трибуналом». Свою службу советской власти коморси Альтфатер объяснял так: «Я не политик, я не понимаю того, что происходит, но я глубоко люблю свою родину и свой народ, и я хочу служить им так, как могу». Скоропостижно скончался 20 апреля 1919 г. в Москве и был похоронен на Новодевичьем кладбище. В его честь были переименованы эскадренный миноносец «Туркменец Ставропольский», канонерская лодка «Донец» и вооруженный пароход «Петроний».

30 июля/12 августа

В 7 ч. утра на буксире портового судна «Нарген» вышел в Гельсингфорс, куда прибыл в 2 ч. дня.

Док был уже почти готов, и в 16 ч. «Окунь» вошел в него. Оказалось, что ограждение горизонтального руля лопнуло и едва держалось. Сейчас же приступили к работе, которая продолжалась всю ночь.

31 июля/13 августа

В 16 ч. повреждение было исправлено, подводная часть очищена, окрашена и «Окунь» спущен на воду…

Оказывается, что около полуночи 28 июля «Новик» на параллели маяка Фильзанд в 35 милях от него разошелся на контр-курсе с двумя германскими крейсерами типа «Аугсбург» и одним миноносцем. Хотя расстояние было около двух миль, корабли промелькнули так быстро, что атака не имела места.

Август. Рейд Векшер и Ревель

1/14 августа

В полдень получили радио начальника дивизиона: пополнить запасы топлива, масла и присоединиться к бригаде.

Для обратной буксировки командир Свеаборгского порта дал пароход «Скаттуден», который несколько задержался с покупкой провизии, и я пошел вперед самостоятельно.

У маяка Редакон, застопорив машину, принял буксир, пошел дальше, и в 22 ч. «Окунь» уже стоял у борта «Хабаровска».

В обоих случаях шел на буксире для сбережения судовой машины, так как дизель-мотор в 120 сил очень ненадежен и хрупок. Постоянно лопается и ломается все что угодно: поршни, пульверизаторные коробки, шток масляной помпочки, коленчатый вал и т. д.

В течение *трех лет подряд* завод (Нобеля в Петербурге) не мог сдать дизелей на подводных лодках «Макрель» и «Окунь» и только в апреле сего 1914 года моторы случайно проработали полной мощностью в течение десяти часов подряд и были, наконец, сданы в казну. При таких обстоятельствах дизель надо было беречь, чтобы в нужную минуту он не развалился, а потому «Макрель» и «Окунь» обычно ходили на буксирах других судов.

Конечно, это не давало никаких гарантий, что дизель не развалится в первые же полчаса после его пуска, но все же казалось, что если мотор будет меньше работать, то, вероятно, дольше прослужит, тем более что зарядка электрических аккумуляторов лежала на нем же.

Вообще, на этих двух подводных лодках вздумали применить систему перпетуум-мобиле, а потому получилась здоровая ерунда.

Чтобы дать «Окуню» ход на поверхности, надо было поступать так: пустить дизель-мотор, непосредственно связанный с динамомашиной, ток от которой поступал в электромотор, вращавший гребной винт. В результате я имел в три раза больше шансов получить то или другое повреждение в машине, которое лишало лодку возможности вернуться, если для этого нужно было совершить переход, превышающий запас электрической энергии в батарее аккумуляторов.

Получалась такая миленькая картина: 1) в дизеле повреждение, а в то же время динамомашина и электромотор исправны – идти нельзя, 2) динамомашина испортилась, а дизель-мотор исправен – идти нельзя, 3) дизель и динамо исправны, электромотор выведен из строя – опять идти нельзя. Эта тройная бухгалтерия заставляла всегда быть очень осторожным и внимательно следить за всеми капризами механизмов, предугадывая другой раз очередные неисправности и принимая соответственные для их устранения.

2/15 августа

Переменили холодильник высокого давления у компрессора дизель-мотора.

После обеда подняли на «Хабаровск» две мины для проверки, после чего снова заложили их в минные аппараты.

3/16 августа

Вчера нашего адмирала вызвали к командующему флотом, и вечером он вернулся обратно. Собрав сегодня утром командиров подводных лодок, начальник бригады передал благодарность адмирала Эссена за быстрый выход лодок на позицию…

Ввиду выяснившегося движения неприятельских разведчиков на бригаде вырабатываются два плана использования наших старых, изношенных подводных лодок.

Первый, предлагаемый 2-м дивизионом, состоит в том, чтобы выдвинуть подводные лодки вперед на линию банок Олег-Глотова и здесь, стоя, как раньше, поперек Финского залива в две линии в шахматном порядке, поджидать появления противника.

Второй, предложенный командиром подводной лодки «Акула» (он же начальник 1-го дивизиона), заключается в том, чтобы «Акула» как наиболее мореходная, быстроходная и обитаемая лодка была послана в сопровождении миноносцев в Балтийское море на поиски неприятеля. Предполагается, что миноносцы сумеют заманить немцев, проведут их через позицию «Акулы», которая тогда и атакует…

Надо сказать, что личный состав бригады томится вынужденным бездействием. Теперь уже ясно, что немцы напролом не пойдут, а значит, первоначальная стоянка на рейде Векшер потеряла всякий смысл.

Вся беда в том, что современные подводные лодки еще ни разу не применялись в борьбе народов, и никто не знает толком, на что они способны, а так как у нас в их боевую пригодность верят очень мало, считая, в лучшем случае, оружием чисто позиционной войны, чем-то вроде подвижного минного заграждения, то никаких активных действий пока не поручали…

4/17 августа

Весь день наблюдательные посты Верхний и Нижний Дагерорт, Оденсхольм, Ганге доносили о движениях неприятельских судов, которых видели и дозорные крейсеры, державшиеся на меридиане Пакерорта. Около 22 ч. последние корабли противника скрылись из виду… (Позже, по данным разведки, оказалось, что пароход-паром «Дейчланд» под прикрытием крейсеров «Аугсбург» и «Магдебург» и трех миноносцев поставил 800 мин севернее маяка Тахкона.)

Контр-адмиралу Левицкому доложены оба варианта действий подводных лодок, выработанных в 1-м и 2-м дивизионах. Адмирал долго противился, считая, что командующий флотом и его штаб сами знают, что надо делать, и давать им указания, как поступить с бригадой, неудобно.

Командиры настаивали, доказывая, что на рейде Векшер мы сидим совершенно зря и из стоянки здесь ничего не выйдет. Подводные лодки еще нигде в войне не участвовали, потому штаб флота, видимо, и не знает, что с ними делать. Не послушают, обругают – не беда, останемся на старом месте, только и всего.

Адмирал сдался и обещал в первый же день, когда миноносец пойдет в Гельсингфорс за провизией, послать туда двух офицеров для доклада обоих вариантов.

5/18 августа

В 14 ч. пост Службы связи на маяке Верхний Дагерорт донес о появлении двух крейсеров типа «Кольберг» и трех миноносцев; миноносцы обстреляли маяк и пост Нижний Дагерорт, но безрезультатно. Наши крейсера пошли навстречу, а дивизион миноносцев в обход, чтобы отрезать немцев от Балтийского моря, но из этого ничего не вышло…

С проходившего миноносца получили приказ командующего флотом за № 66 о военной тайне.

«В современной войне громадное значение имеет получение сведений о противнике, особенно после открытия военных действий, когда, естественно, затрудняются сообщения между воюющими сторонами и когда главным средством осведомления о деятельности противника служит организованная заблаговременно тайная военная агентура, или шпионство.

Германия всегда обращала большое внимание на такую организацию, не жалея средств и не стесняясь выбором их для ее осуществления.

Мы обязаны считать, что тайная военная агентура нашего противника работает в настоящее время самым деятельным образом, и должны принимать меры для прекращения и затруднения этой деятельности.

Кроме специальных средств контрразведки, сущность борьбы со шпионством лежит в серьезном отношении ко всем мерам несения караульной службы, постоянной бдительности и крайней осторожности в собственном поведении в отношении всех без исключения лиц, не имеющих прямого отношения к службе.

Следует помнить, что тайная военная агентура может заниматься не только собственно шпионством и сбором сведений для осведомления противника, но всегда при удобном случае будет стараться выступить и с активной деятельностью в смысле нанесения материального ущерба, порчи средств сообщения, связи и вообще всяких военных приспособлений и устройств, и только безукоризненное отношение к службе может гарантировать нас от самых неожиданных явлений, могущих повлечь самые серьезные последствия.

Военная история дает нам много указаний, что самые невинные на первый взгляд известия или сведения, полученные вовремя, оказывали решающее значение в военных операциях и нередко определяли то или иное их окончание.

Еще раз напоминаю, что главнейшим средством работы шпионства служит небрежное и легкомысленное отношение к соблюдению военной тайны и секретным сведениям, которыми в военное время определяется вся деятельность вооруженных сил и разглашение которых при неумении удержать свой язык является прямым содействием неприятельскому шпионству».

6/19 августа

Весь день получали телеграммы о движении неприятельских легких крейсеров, миноносцев и броненосных крейсеров «Роон» и типа «Фридрих Карл». Броненосные крейсера держались у острова Утэ (Абосские шхеры), остальные – у маяка Такхона (остров Даго).

На Курляндском побережье немецкие миноносцы обстреляли маяк Бакгофен и пробовали высадить небольшой десант, отбитый ружейным огнем пограничников. С досады немцы разбили маяк снарядами и ушли; у нас потерь нет, убита одна лошадь.

С сегодняшнего дня приступили к тралению в местах, где видели неприятеля, но мин заграждения пока не нашли…

Около 23 ч. находившийся в дозоре эскадренный миноносец «Эмир Бухарский» видел неприятельские крейсера – вероятно, это заградители ставили мины.

Ночью неприятель вошел в Рижский залив, подходил к острову Руно и к г. Аренсбургу. Светил прожекторами и вообще вел себя, как дома, отлично зная, что весь наш старый и слабый Балтийский флот в ожидании их удара собран в Финском заливе…

От летчиков, сидящих на острове Эзель (бухта Кильконд), нет никакого толку, ничего разведать они не могут, результатом их полетов являются стереотипные донесения: «В море никаких кораблей не видно». Хорошо, но откуда же берутся появляющиеся у русских берегов германские корабли?

Единственным оправданием летчиков может служить лишь то, что они летают на аппаратах старых систем и притом сильно изношенных, а потому ненадежных.

Итак, немцы пропустили благоприятный момент, ничего не предприняв в первые девятнадцать дней с начала войны. Все их действия носили демонстративный характер, очевидно, с целью удержать нас в Финском заливе.

Теперь все внимание немцев направлено на английский флот, и к нам они не придут. И слава Богу!

7/20 августа

Вернувшиеся из Гельсингфорса офицеры, посланные с обоими вариантами действий бригады подводных лодок, сообщили, что в штабе были приятно удивлены, узнав, что командиры считают возможным проявить гораздо больше деятельности, чем отводил им штаб.

Адмирал Эссен не принял ни того, ни другого плана, но согласился на слияние обоих вариантов, т. е. выдвинуть подводные лодки на линию банок Олег-Глотова, а «Акулу» вместо посылки на поиск противника поставить впереди завесы, примерно около Дагерорта, дав ей для разведок четыре миноносца.

Чтобы база бригады была ближе к новой позиции, командующий приказал завтра же перейти в Лапвик…

Узнали, что 24 июля/6 августа английский флот понес первую потерю. Легкий крейсер «Амфион», заметив близ устья Темзы германский заградитель «Виктория-Луиза», потопил его, но вслед за тем наскочил на одну из поставленных немцами мин и погиб…

8/21 августа

Командующий флотом задержал переход бригады в залив Лапвик, видимо, опасаясь, что немцы поставили минное заграждение в районе, через который подводные лодки должны проходить на позицию.

В 17 ч. в двадцати милях от Мариенхамна (остров Оланд) замечены три броненосных и четыре легких германских крейсера, шедших на запад.

Наблюдательный пост Стейнорт уже второй день доносит о передвижениях каких-то судов.

9/22 августа

Утром принято радио: «Вчера после полудня около острова Моон усмотрены плавающие мины заграждения».

Очевидно, мины поставлены немцами где-то около Моонзунда, и господствовавшие в эти дни северо-западные ветры оторвали некоторые из них от якорей и занесли в пролив, где их и обнаружили…

За время стоянки на рейде Векшер жизнь бригады почти ничем не отличалась от обычной. Подводные лодки, по мере возможности, производили мелкий ремонт механизмов, совершали практические учения для совершенствования команды, уничтожили отличительные полосы на рубках, подкрасились внутри, обнесли место стоянки плавучим боном из бревен, чтобы преградить нападение моторных катеров и вообще предохранить бригаду от нечаянного ночного нападения неприятельских шпионов…

В этот период войны план военных действий сводился только к обороне. Считалось аксиомой, что немцы воспользуются своим превосходством на море и начнут войну высадкой десанта в Бьорке для захвата столицы, потому какие-либо активные действия флота признавались невозможными. «План операций на случай Европейской войны 1914 года» ставил Балтийскому флоту одну-единственную задачу: воспрепятствовать противнику проникнуть в восточную часть Финского залива, обеспечив мобилизацию сухопутных войск Петербургского военного округа, имеющих задачу защиты столицы.

Балтийский флот, собравшись целиком в Финском заливе, имея базами Гельсингфорс и Ревель, опираясь флангами на частью готовые, частью лихорадочно строящиеся береговые батареи на островах Макилотто, Нарген, Вульф и на мысе Суроп, должен вести отчаянный,

единственный и последний бой с подавляющими силами могущественного германского флота, пожелавшего под огнем как наших кораблей, так и береговых батарей прорываться через минное поле в пятнадцать миль длины и четыре мили ширины, заграждавшее самое узкое место Финского залива: Макилотто-Нарген.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.